

Как гласит история, Чжу Ди вошел в зал и увидел, что Чжу Цюань изящно держит тремя пальцами пиалу «заячья шерсть» и внимательно разглядывает ее под лучами солнечного света.

Эта чаша «заячья шерсть» была сплошь изысканной и блестящей, как жемчуг, а бело-синий фарфор оттенялся тонкой паутинкой трещинок. Чжу Цюань цокнул от восхищения и, увидев Чжу Ди, сказал:

— Вещи в доме четвертого брата, как всегда, изысканны.

— Малец... — Чжу Ди протянул руку, мимоходом забрал чашу и, бросив ее через плечо, произнес: — Это просто безделушка с рынка, не стоит даже внимания!

Чжу Цюань элегантно вытаращил глаза: не может быть.

Пиала с отчетливым звоном упала на пол.

Чжу Цюань: «...»

Большие ворота с грохотом распахнулись! Прихвостни толпой хлынули внутрь!

— Парни! Взять его живым! — громко рассмеялся Чжу Ди, приняв хищный вид.

Чжу Цюань в панике вскочил на ноги и закричал:

— Четвёртый брат, что ты задумал?!

Тоба Фэн рывком бросился на Чжу Цюаня, но тот резко отпрыгнул, выскользнув из рук, словно умасленный вьюн, и мужчина промахнулся!

— Осторожно! — Юньци перепугался не на шутку. Поза Тоба Фэна «злая собака что-то грызет» хотя и выглядела нелепо, но в тот бросок он вложил все свои жизненные силы! Среди всех двадцати двух отрядов стражи внутренних покоев Нанкина едва ли нашлись бы один-два человека, чье боевое мастерство сравнилось бы с умениями Тоба Фэна, однако Чжу Цюань сумел уклониться! Что это значит?!

Юньци с первого взгляда понял, что Чжу Цюань — искусный воин. Он тут же скомандовал:

— Вы трое, охраняйте вход в зал!

В тот миг Чжу Цюань увернулся влево и атаковал справа. Его облегающие княжеские одежды развевались, словно раздвигая цветы и задевая ветви ивы*. Виден был лишь его призрачный

образ, но не форма. Чжу Ди и Тоба Фэн одновременно потянулись, чтобы схватить его, но он ловко уклонился, не дав им даже коснуться края своего одеяния. Великолепное боевое мастерство!

* Раздвигать цветы и задевать ветви ивы (□□□□) — обр. о грациозности, изящности. Выражение восходит к Троецарствию, так описывалась Дяочань, одна из Четырех красавиц древнего Китая.

— У мальчика отличные навыки, не дайте ему сбежать! — заорал Чжу Ди.

Услышав это, Юньци и Тоба Фэн сразу поняли, что Чжу Цюань, должно быть, узнал какие-то секреты Чжу Ди, но не пожелал участвовать в его грязных делах. Сердца их сжались от страха, и трое набросились на одного с ещё большим ожесточением.

Чжу Цюань ступил на низкий столик, стремительно перепрыгнул его и сказал:

— Четвёртый брат, зачем ты это делаешь? Когда этот младший брат вернется в Хуэйчжоу, он точно не станет сообщать императорскому двору никаких вестей...

Чжу Ди резко оборвал его:

— В перевёрнутом гнезде не бывает целых яиц. Лао Лю и Лао Цзю* уже получили известия от двора о конфискации княжеских уделов...

* Прозвища шестого и девятого братьев.

Юньци взмахом руки метнул клинок Чаньи, и шелковая нить отразила яркий солнечный свет.

Тоба Фэн, сделав подсечку, перевернулся и нанес удар ногой прямо в то место, где приземлился Чжу Цюань!

— В действиях внука императора... Государя, несомненно, есть какой-то смысл, даже если речь идет о конфискации уделов и лишении военной власти. Разве он может позволить нам с тобой ходить с развязанными руками...

Пока Чжу Цюань говорил, он одной ногой оттолкнулся от круглого стола и отлетел в сторону.

— Вот это да! — не удержался от восхищенного возгласа Тоба Фэн.

— Ты что, с ума сошел, зачем ты поднимаешь боевой дух противника? Штраф! — гневно крикнул Чжу Ди. — Конечно, он не позволит нам ходить с развязанными руками! Просто

найдет любой предлог, чтобы казнить! Ты думаешь, Юньвэнь — тип, с которым легко иметь дело?..

— Четвёртый брат! Прости, но я не могу...

Чжу Цюань приблизился к двери зала!

Ма Саньбао поднял скамейку и начал размахивать ею со свистом!

Чжу Цюань, прекрасно уловив подходящий момент, когда скамейка пронеслась мимо, оттолкнулся от её конца, прикрыл голову руками и с грохотом вылетел через разбитое деревянное окно, стремительно выскочив наружу!

Чжу Ди крикнул:

— Дела плохи! Быстрее за ним!

Четверо мастеров, на удивление, не смогли удержать молодого князя, искусство цингуна* которого достигло пика совершенства. Юньци втайне сетовал на то, что недооценил противника. Выпрыгнув в сад, он увидел, что Чжу Цюань спасался бегством, оглядываясь назад, и нечаянно столкнулся с зевающим старым даосом Чжаном, который только проснулся.

* Цингун (轻功) — различные способности легкого передвижения, как будто не поддаваясь силе тяжести.

Чжу Ди поспешно воскликнул:

— Чжэньжэнь, задержите его!

Только тогда Чжу Цюань в панике обернулся и обнаружил перед собой немощного старика. Он срочно скомандовал: — Дорогу! — И сразу же поднял указательный и средний пальцы, чтобы ткнуть ими в глаза старого даоса Чжана.

«??» — Старый даос Чжан, не понимая, что происходит, выхватил с пояса деревянный меч.

Юньци остановился, облегченно вздохнул и сказал:

— С ним покончено.

Тоба Фэн выразил согласие.

Никто и ахнуть не успел, как Чжу Цюань уже почти столкнулся со старым даосом Чжаном, но его встретил деревянный меч, готовый сломаться от одного движения руки!

Он с легкостью вращался, описывая идеальную дугу, то почти касаясь, то едва отдаляясь, и легко обвил руку Чжу Цюаня! Мужчина в ужасе вырвался и отступил, но почувствовал, что оказался в вязком, словно грязь, потоке ци, и дыхание его перехватило.

Меч старого даоса Чжана двигался с естественной легкостью, укрыться от него было невозможно! В тот миг деревянный клинок рванулся вперед, и Чжу Цюань громко вскрикнул. Его ударило тупой стороной меча по пояснице и отбросило в сторону!

Троица прихвостней тут же ринулась вперед и крепко прижала Чжу Цюаня к земле. К счастью, хотя цингун Чжу Цюаня был непревзойденным, и он был скользким как угорь, его истинные боевые навыки были несильны. Он оказался пойман, и ему оставалось лишь покорно ожидать смерти.

Чжу Ди заискивающе улыбнулся:

— Благодарю чжэньжэня! Благодарю чжэньжэня.

Старый даос Чжан, сложив руки в почтительном жесте, скромно отказался от благодарностей, развернулся и ушёл в свою комнату. Чжу Цюань потерпел полный крах.

Когда Чжу Ди выдавал деньги, Тоба Фэн сказал:

— Четыре ляна.

Чжу Ди: «...»

Тоба Фэн добавил:

— И два ляна за труды шифу.

Взбешенный, Чжу Ди отправился к Сюй Вэнь за деньгами, а затем яростно сунул их остальным троим. Тоба Фэн сказал:

— Вот, Юньци, это тебе, — и передал ему все деньги.

Пока Юньци смеялся, он заметил беспокойное выражение лица Ма Саньбао и поспешил обмолвиться добрым словом:

— Саньбао, оставь свои себе.

Затем все четверо радостно разошлись. Чжу Ди взвалил связанного козлом Чжу Цюаня на плечо, отнес его в маленький дворик и запер там, о чём и упоминать не стоит.

Юньци ушёл, и лишь спустя долгое время до него дошло: «Чжу Ди поместил под домашний арест собственного младшего брата. Что он задумал?» Он сразу же отправился к Чжу Ди и начал настойчиво до него допытываться, но тот вел себя так, словно ничего не произошло. Сколько бы Юньци ни спрашивал, тот только отшучивался, делая вид, что ничего не знает. Он пообещал, что точно не убьёт его, а отпустит после Праздника фонарей.

Обуреваемый сомнениями и подозрениями Юньци какое-то время смотрел на Чжу Ди, но раз тот заверил, что отпустит пленника после праздников, ему пришлось отступить.

Приближался Новый год, и Сюй Вэнь занималась подготовкой к проводам старого года* в усадьбе. Многих слуг она отпустила по домам, поэтому Юньци пришлось ей помогать. Через несколько дней наступил канун Нового года. Были выставлены три вида жертвенных животных*, а на стол поместили нефритовую книгу удельного князя, пожалованную Чжу Юаньчжаном. Зажгли благовония и свечи, и Чжу Ди повел всю семью на поклон предкам.

* Корова, овца и свинья.

* Проводы старого года (送神) — 23-го числа 12-го лунного месяца, день, когда приносят жертвы богу очага цзаошэню, чтобы его задобрить перед его «отчётом» у небесного владыки.

Хотя они и были одной семьей, но Юньци являлся младшим братом жены, и эти предки не имели к нему никакого отношения.

Чжу Ди занял первое место, за ним стоял приемный сын Тоба Фэн, а затем двое его родных сыновей, Чжу Гаочи и Чжу Гаосуй. Это было равноценно открытому признанию статуса Тоба Фэна без боязни оказаться причастным к инциденту, произошедшему несколько лет назад, — покушении на убийство внука императора.

Юньци немного постоял у входа в зал, и в душе у него зародилось смутное беспокойство. Скучая в ожидании новогоднего ужина, он вышел из храма предков и направился к заднему двору.

Сначала он постучал в дверь комнаты старого даоса Чжана, но не услышав ответа, вошел внутрь. Комната оказалась пустой. Старый даос Чжан ушел в канун Нового года.

Юньци окинул комнату взглядом и увидел на столе клинок. Под деревянным мечом лежала записка, а под ней — письмо.

«Этот меч принадлежит нашей Уданской школе и носит название «Цисин*». Дарю его Фэн-эру. Письмо адресовано Юнь-эру и написано с целью поведать ему о моей встрече с генералом Тяньдэ в прошлые годы».

* «Семь звезд» (□□).

Юньци поднял тупой клинок — именно его старый даос Чжан всегда носил за спиной, никогда с ним не расставаясь. Он был изготовлен не из железа, и не из камня, и выглядел довольно заурядно. На клинке были выгравированы семь тусклых звезд, образующих созвездие Большой Медведицы, а на рукояти — три иероглифа: «Чжан Цзюньбао».

Он попытался разрубить им стол, но после удара прошло много времени, а никакого движения не последовало. «Просто хлам какой-то», — мысленно усмехнулся Юньци.

Затем он вскрыл конверт, достал письмо и взглянул. В нем было всего одиннадцать слов:

«Слишком сильная любовь не бывает долговечной. Чрезмерная пронизательность неизбежно приносит вред»*.

* Цитата из романа Цзинь Юна «Легенда о Небесном мече и Драконьей сабле». В книге эти слова были выгравированы на куске нефрита, который император Цяньлун подарил главному герою Чэнь Цзяло.

Это ещё что за шутки! Юньци чуть не зарычал от ярости лицом к небу. Лучше бы он оставил руководство по боевым искусствам! Юньци отшвырнул меч в сторону, смял письмо в комок и выбросил. Затем в подавленном настроении он вышел со двора и направился к задним покоям.

Там как раз содержался несчастный Нин-ван.

Все эти дни Чжу Ди, не считая еду и сон, вместо того, чтобы прикидываться сумасшедшим, приходил во двор и проводил время с Нин-ваном. Было неизвестно, какими темными делами они там вдвоем занимались.

Юньци, движимый любопытством, украдкой заглянул в комнату и увидел, что с Чжу Цюанем все в порядке. Он выглядел совсем не так, как в его представлении: в растрепанной одежде, залитый слезами и соплями и кричащий «отпустите меня!». Он не сидел связанным на стуле с затуманенным взглядом, помутненным сознанием, опухшей хризантемой и следами от кнута по всему телу.

— Юньци? Входи, — Чжу Цюань отложил книгу, которую держал в руках, и мягко улыбнулся.

Юньци вошел в комнату и, увидев, что руки Чжу Цюаня связаны веревкой, спросил:

— Что ты читаешь?

Чжу Цюань неспешно ответил:

— Сегодня канун Нового года.

Юньци сказал:

— Зять пообещал, что после Праздника фонарей отпустит тебя обратно в Хуэйчжоу.

Чжу Цюань улыбнулся и кивнул:

— Благодарю младшего шиди за то, что тогда за меня заступился.

Затем его взгляд устремился к Юньци, от чего у того по коже побежали мурашки.

Юньци внезапно спросил:

— На что ты смотришь? Ты учился боевым искусствам у моего папы?

Чжу Цюань с интересом сказал:

— Ты и Ванфэй будто созданы по единому шаблону. Вы вдвоем очень похожи на шинян.

Лицо Юньци слегка зарделось:

— Тебе не стоит называть мою мать шинян, она всего лишь наложница. Законная жена отца — мать моего второго брата...

Чжу Цюань сказал:

— Я уже привык так ее называть, Вэнь-шинян хорошо к нам относилась... Ладно, не будем об этом. Генерал Суй умер много лет назад. Твоя старшая сестра не говорила тебе, от какой болезни он скончался?

Юньци нахмурился:

— Я тоже не знаю. По словам сестры, в его смерти, кажется, была какая-то подоплека. Можешь спросить у нее сам.

Юньци никогда не испытывал особых чувств к Сюй Да. Как ни крути, его ранняя смерть — не его вина. Но маленького, еще не успевшего почувствовать родительскую любовь Юньци, которому едва исполнилось четыре года, отправили во дворец и заперли за высокими стенами. А когда он вырос, то все воспринимали его всего лишь за послушного пса. Теперь, вспоминая об этом, он осознал, что никогда не испытывал отцовской любви, и тайны смерти его родного отца также не имели к нему никакого отношения.

В самый разгар отголосков воспоминаний Чжу Цюань вдруг снова сказал:

— Генерал Тяньдэ больше всего любил тебя и сестру Вэнь именно потому, что вы оба внешне похожи на мать.

Если бы он не заговорил, всё бы обошлось, но эти слова мгновенно разожгли в сердце Юньци гнев:

— Любил, [бип]*! Он с малых лет отправил меня в этот дворец, похожий на тюрьму, — это называется любил?!

* Я не выдумываю, это [бип бип] из оригинала.

Когда разговор не клеится, продолжение диалога — только пустая трата времени. Когда он это произнес, то даже не захотел взглянуть на выражение лица Чжу Цюаня. Поднявшись, он ушел.

Изначально он желал лишь проявить разок заботу, но после упоминания Сюй Да вспомнил, что теперь у Чжу Ди намереваются конфисковать удел, и его с сестрой положение может резко ухудшиться. Когда он вернется в Нанкин, то очередной раз подвергнется притеснениям со стороны гражданских чиновников. Юньци стало очень неловко, и он покинул двор, не желая больше иметь дела с Чжу Цюанем.

Сделав несколько шагов, он вдруг увидел Тоба Фэна в одежде наследника княжеского дома. Он зашел во двор, чтобы разыскать его.

Тоба Фэн обычно носил форму Цзиньивэй, что уже придавало ему впечатляющий вид, а теперь, облачившись в роскошные одежды наследника княжеского дома, он выглядел вполне соответствующе.

Тоба Фэн сказал:

— Наконец-то можно поесть, пошли. — Затем он крикнул в сторону комнаты: — Семнадцатый князь, прошу, пройдите в зал на новогодний ужин.

Чжу Цюань не удивился такому щедрому обращению и вышел за дверь. Тоба Фэн не стал воздерживаться от запретных действий и взял Юньци за руку, переплетя пальцы. Все трое

направились в зал.

В то время поминание предков уже завершилось. В резиденции Янь-вана повсюду лежал белый зимний снег. Кроме прислуги, все остальные собрались за одним столом в гостиной, а Янь-ван Чжу Ди и Сюй Вэнь — за другим. Впереди было подготовлено семь мест: для князя и его жены, двух сыновей, а также для Тоба Фэна, Юньци и Чжу Цюаня — как раз для всех.

Увидев, что трое пришли, Чжу Ди поспешил усадить их. Каждый занял свое место, и Чжу Цюань, заметив свободный стул рядом с Чжу Ди, без лишних церемоний сел туда.

Ко столу подали всевозможные изысканные блюда. Дары гор и моря пленяли взор своим великолепием*. Несколько служанок стояли, ожидая дальнейших указаний. Чжу Ди поднял тост:

— В Новый год редко удается собрать за столом всех, младший шурина тоже здесь. Давайте, все выпьем.

* Букв. «великолепная яшма застилает глаза» (□□□□).

Юньци не выглядел особо радостным. Видя, что запястья Чжу Цюаня все еще связаны, он не знал, смеяться или плакать — как же ему пить? Неужели они открыто хотят унижить Семнадцатого князя?

Однако Чжу Цюань был великодушен. Он лишь улыбнулся, не принимая это близко к сердцу, взял чарку обеими руками и сказал:

— До дна.

После первого тоста Чжу Ди наконец улыбнулся и сказал:

— Младший шурина, ты чего такой невеселый? Давай, супруга, ты корми своего младшего брата, а я — своего! Все, не стесняйтесь!

Между Сюй Вэнь и Чжу Ди царил молчаливое понимание, и каждый из них взял по кусочку курицы. Сюй Вэнь покормила Юньци, а Чжу Ди, сияя от гордости, покормил Чжу Цюаня. Вместе они сказали:

— Братец, аа—!

Чжу Цюань с улыбкой съел, что дали, а Юньци поперхнулся вином и сказал:

— С вами двумя действительно ничего не поделаешь...

Он хотел взять еду сам, но Сюй Вэнь как назло не позволила это сделать и заставила съесть угощение. Юньци сказал:

— Давай поменяемся местами, ты... ты позаботься о Гаочи.

Сюй Вэнь с лучезарной улыбкой ответила:

— Гаочи и так очень самостоятельный и не нуждается в моей заботе. — Затем она добавила: — Гаочи, ты тоже присмотри за своим младшим братом.

— Угу, — Чжу Гаочи было всего шестнадцать лет, но он уже проявлял зрелость не по годам. К тому же, он родился с болезнью ног, а наружность его, непонятным образом унаследованная от какого-то несчастного предка, немного походила на внешность Чжу Юаньчжана. У него была такая же тусклая кожа, широкая голова и большие уши, что сильно отличало его от младшего брата Чжу Гаосюя.

Чжу Гаосюй же был похож на Чжу Ди и приходился по душе как Чжу Ди, так и Сюй Вэнь. Однако у Юньци было некоторое психологическое отторжение к такому хулиганскому типу лица, поэтому он не особенно жаловал Гаосюя и лучше ладил с Гаочи. Услышав это, он с улыбкой сказал:

— Гаочи, ты уже взрослый, встречаешься с какой-нибудь девушкой? Вы в отношениях?

Пухлый Чжу Гаочи пошутил:

— Этот племянник ни в коей мере не сравнится с младшим дядей, таким красивым и статным, словно яшмовое дерево на ветру. Естественно, никто не обращает на меня внимание.

За столом все снова рассмеялись. Чжу Ди кормил Чжу Цюаня мясом и овощами, а Юньци подумал: «Этим двум князьям уже по двадцать-тридцать лет. Взрослые мужчины, а занимаются такими глупостями и не боятся насмешек младших. Почему бы просто не развязать ему руки и не позволить есть самостоятельно?» Внезапно Чжу Цюань заговорил:

— Только что этот князь сказал, что генерал Тяньдэ больше всего ценил этих двоих, старшую сестру и младшего брата, и особенно любил Юньци, а младший шиди не поверил и разозлился на меня.

Сюй Вэнь, поправив рукав, наполнила чарки Чжу Ди и Чжу Цюаня вином и с улыбкой произнесла:

— Конечно, любил. И не ему решать, верить тому или нет. Юньци обладает до крайности упрямым нравом. Его плоское остроумие застилает ему глаза, и он видит только то, что лежит на поверхности...

Чжу Ди кивнул и, улыбаясь, сказал:

— В беспокойный век — вершить великие дела и добиваться заслуг, а в процветающий — уметь довольствоваться малым. Если хочешь себя сберечь...

Чжу Цюань подхватил:

— Конечно, лучше всего быть стражем Цзиньвэй — служить одному только государю, смотреть свысока на чиновников. Вы с Юньвэнем — друзья детства. Кто посмеет тебя тронуть?

Только тогда до Юньци дошло, что в детстве Сюй Да отправил его во дворец с глубоким умыслом.

Чжу Цюань продолжил:

— Не говоря уже о том, что Юньвэнь занял трон законно, даже если бы на престоле был другой, ты служил покойному императору, и, пожалуй, никто бы...

Чжу Ди изменился в лице и поспешил перебить его:

— Не будем говорить о государственных делах, давайте, пейте.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326082>